

Н.И. Шестов

ВЫБОР ДИСКУРСА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Регionalизация политического пространства и политического процесса в России в настоящее время достигла такого уровня, что есть все основания для заключения: эта доминанта будет определять лицо отечественного политического процесса в обозримом будущем. Сегодня важно понять, что представляет собой российский регион как месторазвитие политического процесса, иначе говоря, представить регион в виде динамической системы с некоторым набором постоянных и переменных характеристик и параметров. В теоретическом плане эту проблему поднимали С.И. Барзиков и Е.Н. Барябина¹.

Те параметры, которые они предлагают учитывать в региональном политическом процессе, действительно, на первый взгляд, не могут быть сведены воедино, в общую картину ситуации в регионе, в рамках наиболее распространенных в современной отечественной регионалистике социологического, экономического, либо правоведческого подходов. Авторитарная и демократическая тенденции в эволюции местной власти, теневая и конституционная власть, партийная и клановая структура, социально-гуманитарные и технократические факторы управления, социальная безопасность и устойчивость провинциального общества, обеспечение групповых и клановых интересов местной административной элиты, нравственные основания власти, ее мифологизация в региональной идеологии и реальные способы ее осуществления, политическая экспансия местной административной элиты и степень податливости населения - все это вещи, не поддающиеся пониманию в рамках традиционных для отечественного научного сообщества представлений о смысле вышеупомянутых подходов. То же самое можно сказать и о политологическом подходе. Не случайно авторы замечают, что такие политологические категории как «либерализм», «коммунизм», «традиционализм», «консерватизм» здесь

мало приемлемы и являются скорее идеологическими символами и метафорами, чем реальными явлениями.

Возможно, существо этой ключевой методологической проблемы регионалистики заключено не в том, какой подход к анализу структуры регионального политического процесса лучше, а какой хуже, какой допустим и «работает», а какой нет. Возможно, дело в другом обстоятельстве, которое авторы обошли вниманием, но которое достойно специального рассмотрения.

Деление общенаучных подходов на те, которые «работают» и «не работают» в анализе регионального политического процесса, связано с тем, что в современной регионалистике более, чем в изучении политических и социально-экономических процессов федерального уровня, проявляет себя ориентация исследователей на статику. В этом есть своя логика. Большинство регионов очень молоды в качестве субъектов политического процесса, что и побуждает исследователей воспринимать их нынешнее состояние как единое во времени и пространстве и доступное для понимания «в целом». Прошлые (историческое) состояние региона в большинстве случаев в политологический либо социально-экономический анализ не вовлекается и служит самостоятельным объектом для сравнения на предмет выяснения плюсов и минусов современного состояния дел в регионе. Обращение к региону как месторазвитию политического процесса, то есть исследование логики преемственности его исторических состояний как раз актуализируют потребность в таких характеристиках как «либерализм», «традиционализм» и т. д.

Можно предложить еще одно объяснение. В методологической сфере отечественной регионалистики отчетливо прослеживается смешение двух достаточно различных дискурсов. Подобное смешение создает иллюзию единства методологической базы регионалистики и потребности для исследователя усовершенствовать ее определением существенных и несущественных характеристик политического процесса. Однако единства методологической базы быть не может. На современный российский регион исследователь может смотреть с двух позиций. Например, с общегосударственной точки зрения - как на элемент общегосударственной административной конструкции и часть общегосударственного политического пространства. В выборе методологии в этом случае неизбежно будет превалировать стремление впи-

сать региональную ситуацию в общую картину федерального политического процесса. Чем менее региональная картина ситуации будет отклоняться от федерального эталона, тем ближе исследователь способен подойти к важному для политологии обобщению закономерностей российского политического процесса. Однако, в этом случае возникает потребность в условном эталоне современного российского региона, который в исследовательской процедуре выполняет функцию матрицы для поиска и верификации конкретного местного материала. В данном случае общеполитологические категории типа «либерализм», «традиционализм» будут очень уместны в методологическом арсенале регионалистики и будут эффективно работать на моделирование политического процесса и поиск его сквозных закономерностей.

Нет оснований считать названные категории неработающими в регионалистике и по той еще причине, что исследователь местной политической жизни существенно скован в своем поиске спецификой источниковой базы. Региональный нормативно-актовый материал, например, часто воспроизводит форму, а также правовой и политический смысл нормативных материалов федерального уровня, либо демонстрирует стремление кардинально отмежеваться от них. Но, в любом случае, он сохраняет «привязанность» к тем общим идеям и ориентациям, которые закладываются в основание федеральной политики в процессе ее выработки.

Другое дело, что исключительная ориентация на формально-правовой и общеполитологический подход для регионалистики недостаточна. В изучении регионального политического процесса исследователь столь же успешно может продвигаться снизу вверх, от выяснения региональной специфики (например, путем сопоставления ситуации в двух-трех регионах) к конструированию общей картины политического процесса. Это будет другой, тоже вполне самостоятельный дискурс, направленный на выявление взаимных отклонений в региональных политических процессах, которые также, наряду с отклонениями от условного федерального эталона региональной политики, составляют существо специфики национального политического процесса в целом.

В пользу различения этих двух самостоятельных исследовательских дискурсов свидетельствует наличие в региональном политическом процессе двух сфер: внешней (регион и внешний мир) и внутренней (регион в себе). В связи с этим, например, отношения федераль-

ной и региональной властей обнаруживают стремление к локализации в рамках конституционного поля. Их предмет - правовое и экономическое регулирование политического процесса. Особенно заметным данное обстоятельство становится по мере того, как приоритет в обладании политическими ресурсами (а ими часто становятся и ресурсы экономические) переходит от Центра к регионам². Для региональной и федеральной правящих элит становится принципиально важным определение общих условий, правил и границ использования этих ресурсов (например, порядка стимулирования, выявления и использования электоральных предпочтений населения). Здесь необходимы формально-правовой и общеполитологический анализ.

С другой стороны, отношения между элитами внутри региона и возникающие в этой сфере конфликты в большинстве случаев не являются производными от проблем государственного строительства и общих правовых вопросов. На их облике сказываются местные политические обстоятельства, такие, например, как клановый контроль за сферой управления и финансовыми потоками, естественными монополиями, кадровой политикой. Указанные отношения строятся вне рамок конституционного поля и подход к их исследованию будет иным. Иной будет вся исследовательская процедура.

В первом случае исследователь будет ориентироваться на один набор параметров, характеризующих динамику регионального политического процесса. В первую очередь будет иметь значение учет правового, экономического и административно-управленческого параметров. Для исследователя существенным оказывается отслеживание нюансов эволюции федерального и регионального законодательства, социальных и экономических программ, для чего потребуются мобилизация соответствующего категориального аппарата.

Во втором дискурсе процедура исследования изменит характеристики. Вышеобозначенные параметры действительно утрачивают свое принципиальное значение и переходят в разряд дополнительных. На первый план могут выйти такие параметры, как элитарная психология и мифология, историко-культурные основания управленческой традиции, мифологическая загрузженность массового сознания и т. д.

Ясное представление о различии этих дискурсов необходимо, чтобы избежать тупика в процедуре исследования в типичной для многих регионов (особенно бывших автономий) ситуации: хорошие зако-

ны есть, а законодательного регулирования внутрирегионального развития нет. Смещение этих дискурсов в методологии регионального исследования часто происходит по вполне естественной причине. Текущая административно-управленческая и экономическая информация в регионе по большей части доступна исследователю одной своей стороной, формальной и контактирующей с федеральной информацией. Сведения же о неформальной стороне внутрирегиональных связей ограничены. Это вынуждает исследователя экстраполировать суждения из внешней сферы на сферу «регион в себе».

Обратимся к другой проблеме. Для современной отечественной регионалистики животрепещущим является вопрос оценки перспектив нового административно-территориального деления России. Прогнозирование альтернатив развития ситуации в формально-правовом и общеполитологическом ключе с опорой на такие универсалии, как «демократический процесс», «мировой опыт», «разграничение полномочий и предметов ведения» возможно лишь в случае, когда исследователь планирует включить информацию о региональном политическом процессе на правах яркого мазка в общее масштабное полотно национального и мирового политического развития. Показать, так сказать, цивилизационное звучание данной проблемы. Для регионалистики такой подход имеет ценность в плане институционализации региональной проблематики в ряду общих гуманитарных проблем и он продуктивен для понимания макродинамики региональной политики. Тем более, что в регионах России, особенно с выраженными национальными и этноконфессиональными характеристиками, в элитарном и массовом политическом сознании обнаруживает себя склонность именно к социокультурной и политической идентификации цивилизационного уровня.

Но такой подход дает исследователю доступ лишь к одной и достаточно формальной стороне проблемы. Дело в том, что формальная правовая обоснованность административного деления по территориальному либо национально-территориальному признаку в принципе одинакова. Решающим аргументом могла бы служить ссылка на мировой опыт и на государственную целесообразность. Однако понимание и интерпретация того и другого целиком зависят от субъектив-

ного восприятия исследователя, а точнее - от его этноконфессиональных, политических и научных пристрастий.

В рамках формально-правового анализа ученые, представляющие интересы и традиции региональных научных сообществ, принципиально не могут достичь согласия в выборе территориального либо национально-территориального принципа организации конкретного региона. Тем более различной будет выглядеть оценка правовых аспектов и мирового опыта из Центра и из субъектов Федерации. В такой реакции научных сообществ отражается не только и даже, может быть, не столько политическая конъюнктура, сколько регионально интерпретированное патриотическое чувство, опасение утратить четкость собственной гражданской идентификации при размывании социокультурных и правовых границ региона и войти в конкурентные отношения с иными сообществами.

Прийти к определенному решению возможно, если не смешивать характеристику общих мировых тенденций государственного развития и возможных цивилизационных перспектив региональной политики в России с анализом региона как самостоятельной целостности, как месторазвития политического процесса. В этом, втором, дискурсе более продуктивным будет внимание исследователя к такому сюжету, как характеристика информационного пространства региона. В конечном итоге выбор той или иной административно-политической будущности региона зависит не только от властной воли Центра, но и от того, как сами местные жители видят свою будущность, какой информацией и какого качества они владеют, какое ей находят применение.

В информационном пространстве региона циркулирует и оказывает влияние на политический процесс не только правовая и административно-политическая информация в своем первоизданном виде. Значительная часть освоенной обществом и важной для него информации бытует в виде разнообразных мифологем. Даже когда речь идет об отслеживании в информационном пространстве региона сугубо научной информации, исследователю важно учитывать, что та ее часть, которая освоена массовым сознанием региона, представляет собой некоторый ряд стереотипных суждений по поводу реалий политического процесса, то есть мифологем. Она утратила качества собственно научного регулятора политического процесса. Иначе говоря, она потому и стала реальным регулятором политического процесса в регио-

не, что утратила качество, являющееся самым главным препятствием на пути соединения с массовым сознанием - проблемность и потребность в развернутой системе аргументации.

В этом втором дискурсе исследователь также может выйти на значимые проблемы цивилизационного масштаба. Анализ состояния информационного пространства региона может дать ключ к построению не только общефилософских, но и конкретных, например политологических, систем объяснения специфики российских модернизаций. Популярная концепция социокультурного раскола (например, в классической интерпретации А.С. Ахиезера), сама по себе, а тем более экстраполируемая в регионалистике на отношения Центра и регионов, очень уязвима для критики. Раскол элитарной и массовой, столичной и провинциальной культур настолько типичен для многих обществ в прошлом и настоящем, что здесь почти невозможно обнаружить какую-либо особенность бытия России. Регионализация же (понимаемая как стиль отношений Центра и регионов) в России и Европе своими корнями уходит в такую древность, когда элитарная и массовая, столичная и провинциальная культуры не имели существенных различий. Не объясняет эта схема и историческую динамику регионализации российского пространства, например процесс трансформации одного из самых захудалых регионов средневековой Руси - Московского княжества - в центр и символ российской государственности.

Идея социокультурного раскола приобретает инструментальный смысл в региональном исследовании в случае, если интерпретировать ее в плане различения способов и форм мифологизации информации в сознании центральной и местной правящих элит и в массовом сознании. Различные модели мифологизированного восприятия идеологии модернизации в различные исторические периоды и сегодня - это та плоскость социокультурного раскола, которая реально обозначает специфику национального политического процесса на всех его уровнях.

На примере современной российской политической практики видно, как самые прекрасные законодательные и административные инициативы и решения центральной государственной власти круто меняют свой смысл при попытках их внедрения в регионах, либо вообще отторгаются. Очередная попытка провести в России модернизацию сверху, по единодушному мнению специалистов, не удалась. Фор-

мальным аргументом для неприятия на местах решений федерального Центра служит их правовое несовершенство, несоответствие реальному положению дел в регионе. Этот факт действительно часто имеет место и он может послужить достаточным материалом для развития в региональном исследовании первого дискурса. Такая мотивация может быть принята исследователем, если для целей его работы, для построения образа региона на общегосударственном фоне, не важно различие отношения к федерализму политического сознания населения региона и его правящей элиты.

Но во втором дискурсе такая мотивация не может быть принята, поскольку она будет, например, подводить исследователя к заключению об исключительном качественном росте правосознания региональной правящей элиты в сравнении с элитой федеральной. А это расходится со всеми прочими известными фактами, с общей тенденцией роста авторитарного качества региональной власти в России. Для массового сознания, более чем несовершенство федерального законодательства, существенен сам факт нарушения кем-то (пусть даже федеральным Центром) границ того регионального пространства, которое оно считает своим и обустроивает в политико-мифологических образах. В сознании элиты данная мотивация отторжения федеральных модернизаторских инициатив также присутствует, но существенно корректируется корпоративными традициями и интересами, текущей конъюнктурой, пониманием практических выгод от тех или иных отношений с Центром. Указанное же свойство массового сознания широко используется местной элитой для организации общественной поддержки ее противостояния с федеральной властью. Таким образом, второй дискурс дает исследователю доступ к пониманию механизмов превращения здорового регионализма в сепаратизм.

В конечном итоге смысл различения двух обозначенных исследовательских дискурсов состоит в том, чтобы выйти за пределы привычной для современной отечественной регионалистики административно-политической трактовки региона как предмета исследования. Точнее - в том, чтобы эта безусловно необходимая характеристика не заслоняла, за счет смешения методологических подходов, качества региона как определенного духовно-интеллектуального образования. Пока для отечественной регионалистики регион - это пространство действий власти, а не общества. Создать модель анализа совокупного

действия общества и власти в региональном политическом пространстве и политическом процессе - такова может быть в перспективе научная задача регионалистики. Такая модель, в частности, позволила бы уточнить некоторые общие представления о механизмах формирования факторов политического процесса. Например, федерализм сегодня в России выступает в качестве одного из главных организующих принципов и фактора регионального и национального политического процесса. Исторически этот принцип (корни отечественного федерализма уходят в киевские времена) был освоен и властью, и обществом. Но он всегда выполнял дополнительную функцию в связке с унитаризмом. Сегодня власть предлагает обществу федерализм в качестве доминирующей политической ценности, что вступает в противоречие с общественной традицией. В результате выстраивается достаточно сложная и вариативная модель совокупного действия власти и общества. Федерализм предстает уже не как абстрактный правовой и политический принцип, а как динамичная реальность, то есть в полном смысле фактор политического процесса.

Примечания

¹ Барзилов С.И., Барябина Е.Н. Социально-экономические и политические основания структуризации Поволжского региона // Перспективы и проблемы становления поволжского регионализма. Материалы международного семинара, г. Астрахань, 28 июня-1 июля. М., 1999. С. 29.

² Региональные бюджеты уже два года назад покрывали в среднем 70-90% расходов на экономические преобразования и социальную сферу, в прямой связи с чем доверие населения к региональным руководителям росло (с 20 до 40% с 1992 по 1997 гг.) // Известия. 1998. 23 января.